

протоиерей
Владимир Чугунов

АВВА

Владимир Аркадьевич Чугунов Авва. Очерки о святых и подвижниках благочестия

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21992786

Авва. Очерки о святых и подвижниках благочестия: Родное пепелище;

Нижний Новгород; 2012

ISBN 978-5-98948-047-0

Аннотация

Чугунов Владимир Аркадьевич родился в 1954 году в Нижнем Новгороде, служил в ГСВГ (ГДР), работал на Горьковском автозаводе, Горьковском заводе аппаратуры связи им. Попова, старателем в Иркутской, Амурской, Кемеровской областях, Алтайском крае. Пас коров, работал водителем в сельском хозяйстве, пожарником. Играл в вокально-инструментальном ансамбле, гастролировал. Всё это нашло отражение в творчестве писателя. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Член Союза писателей России. Автор книг прозы: «Русские мальчики», «Мечтатель», «Молодые», «Невеста», «Причастие», «Плач Адама», «Наши любимые», «Запущенный сад», «Буря», «Провинциальный апокалипсис» и других. Произведения Владимира Чугунова переведены на иностранные языки. Автор постоянно принимает участие в Международных книжных

ярмарках Европы и России. Лауреат Горьковской литературной премии, Всероссийской литературной премии им. Александра Невского (Санкт-Петербург), обладатель Грамоты Патриаршей литературной премии, финалист «Бунинской литературной премии». Неоднократный лонглистер литературной премии «Ясная Поляна», «Золотой Дельвиг» и других. Аввами на Востоке называли духовных отцов (авва – отец, в переводе с греческого). Эта книга включает в себя три очерка о «русских аввах» – Святителе Игнатии (Брянчанинове), праведном Иоанне Кронштадтском, профессоре догматического богословия Парижского Православного Богословского института протоиерее Сергии Булгакове, – оказавших огромное влияние своим учением, своею праведностью, своею любовью на многих и многих своих современников. Образ жизни и учение этих святых и подвижников благочестия не утратили своего значения и по сей день, и, без всякого сомнения, будут руководствовать к спасению последующие поколения. Эта книга вынашивалась автором на протяжении тридцати лет. Это и радость, и боль его сердца, и в то же время, завет и пастырское слово любви ко всем своим детям по плоти и по духу.

Содержание

Святитель Игнатий	6
1	8
2	47
Конец ознакомительного фрагмента.	55

**Протоиереи Владимир
Аркадьевич Чугунов
АВВА. Очерки о святых и
подвижниках благочестия**

© Чугунов В.А. – текст

© МОФ «Родное пепелище» – макет

Святитель Игнатий

Святитель Игнатий (Брянчанинов) Кавказский

(5 февраля 1807 года – 30 апреля 1867 года)

память 30 апреля / 13 мая

1

«Сердце вырвал у меня отец Леонид; теперь решено: прошусь в отставку от службы и последую старцу, ему предамся всею душою и буду искать единственно спасения души в уединении», – сказал будущий святитель Игнатий (тогда Дмитрий Александрович Брянчанинов) своему «собинному другу» Михаилу Чихачёву, имея в виду будущего оптинского старца Леонида, тогда монаха Валаамского подворья в Санкт-Петербурге. Было в ту пору друзьям всего по девятнадцать лет.

Незадолго до своей праведной кончины, уже находясь на покое в Бабаевском монастыре, в одном из своих частных писем, как бы с горестным вздохом о пройденном пути святитель напишет:

«В новоначалии моём не мог я найти монаха, который был бы живым изображением аскетического учения отцов Православной Церкви. Желание последовать этому направлению, по причине сознания правильности его, поставило меня в положение, оппозиционное по отношению ко всем, и ввело меня в борьбу, из которой перстом Божиим, единственно перстом Божиим, я выведен в Бабаевское уединение, если только выведен. И на отшедшего, как видите, поднимают голос, и поднимают его по той же причине – по причине уклонения от учения святой Церкви и принятия понятий,

противных, даже враждебных этому учению... О моём уклонении от общественного служения не жалейте и не думайте, что я мог бы в нём принести какую-либо пользу. По духу моему, я решительно чужд духа времени, и был бы в тягость другим. И теперь терпят меня милостиво единственно потому, что нахожусь вдали и глуши».

«И на отшедшего поднимают голос», «терпят... единственно потому, что нахожусь вдали и глуши» – это о ком же речь?

Составленное близкими учениками святителя Игнатия житие (не то, что помещено в собрании сочинений в VII томах («Ковчег» Москва, 2005), а то, что было обнаружено в фондах Российской национальной библиотеки г. С.-Петербурга и впервые изданное отдельной книгой («Ищите всюду Духа, а не буквы») в 2010 году «Приходом храма Святаго Духа сошествия» в Москве по благословению епископа Южно-Сахалинского и Курильского Даниила) даёт на это недвусмысленный ответ. Но поговорим об этом позже, а пока дадим основные вехи биографии великого святителя земли русской.

Святитель Игнатий родился 5 февраля 1807 года в селе Покровском Грязовецкого уезда Вологодской губернии и принадлежал к старинной дворянской фамилии Брянчаниновых. С ранних лет он почувствовал склонность к уединению, но в 1822 году отец отдал его в Военное инженерное училище (ныне Военный инженерно-технический университет в Санкт-Петербурге), которое он закончил в 1826

году. Перед юношей открывалась блестящая карьера, но, ещё во время учёбы со своим другом Михаилом Чихачёвым постоянно посещая службы Валаамского подворья и Александро-Невской Лавры, общаясь с монахами, и особенно после встречи со старцем Леонидом, он решил подать прошение об отставке и поступить в монастырь. Прощение не было удовлетворено, и Дмитрий Александрович был направлен на службу в Динабургскую крепость. Но вскоре заболел и 6 ноября 1827 года получил желаемую отставку.

Но почему всё-таки именно – монастырь, и непременно – под старческое руководство?

Ответ на это мы находим в составленном святителем «Отечнике». Приведём несколько характерных, применительно к горению очередных «русских мальчиков», историй из него.

АВВА ДАНИИЛ

Ещё в юности авва Даниил отрёкся от мира и пришёл в Скит.

Пустыня Скит находилась верстах в тридцати к югу от Александрии. Это было обширное безлюдное пространство на севере Африки, куда нельзя было проникнуть без опасности заблудиться, так как туда вовсе не было дороги, и в пути руководствовались течением звёзд, что было доступно немногим людям. Ничто не утешало в пути; редко встре-

чалась вода с дурным запахом, отрадой после раскалённых пространств казались болота, в которых во множестве водились мошкара и комары. В эту ужасную пустыню любовь к уединению привела многих подвижников. Среди них был и Даниил.

О себе он говорил так: «Я жил в общежитии и в отшельничестве, испытав ту и другую жизнь, нахожу, что в общежитиях преуспевают скорее и больше, если проводят жительство правильное». В общежитии он прожил сорок лет, а потом подвизался в отшельничестве.

«Чем тучнее тело, тем немогуще душа, – говорил авва Даниил, – а чем суше тело, тем сильнее душа; она делается утончённое. А чем утончённое душа, тем она пламеннее».

Однажды на Скит напали варвары и пленили авву Даниила. Он пробыл в плену два года, потом один христоробец выкупил его.

Во второй набег варвары опять пленили авву, но через шесть месяцев он бежал из плена. А в третье пленение они немилостиво мучили и истязали его. Однажды, улучив удобное время, он взял камень и убил варвара, господина своего. Бежав, авва Даниил стал тужить об убийстве, которое совершил. В этих чувствах он пошёл в Александрию, исповедал архиепископу Тимофею случившееся с ним. Архиепископ сказал:

– Лучше бы тебе положиться на Бога: избавивший тебя дважды, неужели не мог избавить и в третий раз? Впрочем,

ты не совершил убийства, потому что убил не человека, а зверя.

Не удовлетворившись этим ответом, авва Даниил сел на корабль, приплыл в Рим и исповедал свой грех папе. Папа дал такой же ответ, как и архиепископ александрийский.

Даниил возвратился в Александрию и сказал сам себе: «Даниил совершил убийство, и сам да будет убит». Он пошёл в претор и предал себя гражданской власти, сказав: «Я поссорился, будучи увлечён гневом, ударил и убил моего противника камнем. Прошу предать меня суду: пусть умру за убийство, чтобы наказание во времени избавило меня от наказаний в вечности».

Авва был посажен в тюрьму, а по истечении тридцати дней правитель призвал его и стал расспрашивать. Даниил рассказал обо всём с точностью и подробно. Удивившись рассуждению аввы, правитель отпустил его:

– Иди авва и моли Бога обо мне: жалею, что ты убил одного, а не шесть.

Тогда старец сказал сам себе: «Уповаю на человеколюбие Бога моего, что простится мне совершённое мною убийство. Отселе даю обещание Христу моему служить во все дни жизни моей прокажённому. Если умрёт этот прокажённый, которого я взял, то пойду в Египет и возьму другого».

Никто из скитских не знал, что старец имеет в келии прокажённого. Но однажды старец позвал к себе ученика разделить трапезу, и по усмотрению Божию случилось так, что он

забыл закрыть дверь во внутреннее отделение келии. Ученик вошёл и увидел, что у прокажённого сгнило всё тело, не было рук, рот тоже сгнил, и старец влагал пищу ему в уста, и чего прокажённый не мог съесть, старец ел сам. Ученик, увидя чудный подвиг старца, удивился и прославил Бога, даровавшего такое терпение старцу.

Когда варвары вновь напали на Скит – братия бежала из него. Но старец сказал: «Если Бог не печётся о мне, то зачем мне и жить?» И прошёл среди варваров, а они не видели его.

Пришёл однажды авва Даниил в селение для продажи рукоделия, и один молодой человек, житель того селения, упросил его войти в дом свой и сотворить молитву о жене его, которая была бесплодна. Старец оказал ему послушание: вошёл и помолился. По благоволению Божию жена его сделалась беременною. Люди, чуждые страха Божия, начали злословить, что муж неспособен, а жена зачала от аввы Даниила. Когда эти толки дошли до старца, он послал сказать молодому человеку: «Когда жена твоя родит, извести меня». В положенный срок жена благополучно родила, и муж известил старца:

– Бог, по молитвам твоим, даровал нам дитя.

Авва ответил:

– Когда будут крестить дитя, сделай в этот день обед и угощение, призови меня, сродников и друзей твоих.

Молодой муж сделал так. Во время обеда, когда все сидели за столом, старец взял дитя в руки и перед всеми спросил:

– Кто твой отец.

Дитя протянуло руку, показало пальцем на молодого человека и сказало:

– Вот мой отец.

Ребёнку было двенадцать дней. Все, видевшие это, прославили Бога, а старец встал из-за стола и удалился в Скит. Как-то, проходя через одно селение, увидел авва Даниил, как несколько мирян задержали монаха, обвиняя его в совершении убийства. Старец остановился и, узнав, что брат оклеветан, сказал задержавшим его: «Где убитый?» Ему показали. Приблизившись к убитому, он сказал: «Помолимся». Когда старец воздел руки к Богу, убитый встал. Старец спросил его перед всеми:

– Скажи мне, кто убил тебя!

Оживший отвечал:

– Вошедши в церковь, я дал много золота бывшему тут пресвитеру, а он убил меня и, вынеся, положил в монастыре этого монаха. Но умоляю вас, возьмите у него золото и отдайте детям моим.

Тогда авва Даниил сказал:

– Теперь усни до того времени, как Бог воскресит тебя.

Оживший лёг и снова сделался мёртвым.

Рассказывал авва Палладий: «Однажды авва Даниил пошёл в Александрию, взяв и меня с собою. Когда мы входили в город, нам встретился юный монах, выходящий из бани. Увидев его, старец тяжело вздохнул и сказал мне:

– Очень жаль этого брата! Похулено будет имя Божие из-за него. Но пойдём за ним и увидим, где пребывает он.

Мы поравнялись. Старец отвёл монаха в сторону и сказал ему:

– Сын мой! Ты молод и здоров телом, тебе не должно мыться в бане. Поверь мне, ты многих соблазняешь, не только мирских, но и монахов.

Брат отвечал старцу:

– Аще бых еще человеком угождал, Хистов раб не бых убо был. Писание говорит: не осуждайте, да не осуждены будете.

Тогда старец поклонился ему и сказал:

– Прости меня, сын мой: я согрешил как человек.

Оставив его, мы пошли. Я сказал старцу:

– Авва! Может, не болен брат, и в поступке его нет греха?

Старец вздохнул и, прослезившись, сказал:

– Брат, да удостоверит тебя в истине само дело: я видел, что более пятидесяти бесов последуют ему и посыпают его смрадом. Один мурин сидел у него на плечах и целовал его, а другой, малого роста, шёл перед ним, разжигая его и научая разврату. Многие бесы окружали его и радовались о нём, а святого Ангела я не видел ни близ его, ни вдали. Почему и заключаю, что этот брат исполнен некоторой бесовской деятельности. Свидетельствует о жительстве его изысканная одежда и то, что он, будучи молод, так бесстыдно пребывает среди города, в который с осторожностью входят постники и отшельники и стараются скорее уйти из него. Если б он

не был сластолюбив и не любил мирское, то не ходил бы в баню и не смотрел бы бесстыдно на обнажение других. Святые отцы наши Антоний Великий, Пахомий, Аммоний, Серапион и прочие заповедали, чтобы никто из иноков не обнажал тела своего иначе, как по причине великой болезни или нужды. Видим в житиях их, что при надобности перейти реку, когда не случилось лодки, они никем не видимые, стыдились обнажиться сопутствующего им святого Ангела и сияющего на них солнца. Когда приходилось кому-либо из отцов переправляться через реку с учеником – они отходили друг от друга на достаточное расстояние, чтобы не видеть наготы друг друга.

Сказав это, старец замолчал.

Мы возвратились в Скит.

По прошествии немногих дней пришли в Скит некоторые братья из Александрии и поведали, что монах, прибывший из Константинополя и живший при храме святого Исидора, пойман на любодеянии с женою епарха. Изувеченный прислугою, он был болен три дня и скончался. Услышав это, я заплакал и пошёл к авве Даниилу. У него сидел тогда авва Исаак, игумен скитский. Я поведал им о случившемся с монахом, которого старец видел выходящим из бани и который отверг наставление старца. Старец, прослезившись, сказал: «Наказание гордым – падение их».

Пошёл однажды авва Даниил с учеником своим из Скита в Фиваиду, то есть в Верхний Египет, в обитель к авве

Аполлосу. Отцы обители, услышав о пришествии к ним великого старца, вышли встречать его за семь поприщ от монастыря. Их было более пяти тысяч. Они пали ниц и лежали на песчаной равнине, ожидая подобно лику Ангелов, старца, чтобы принять его как Христа. Одни постилали под ноги его одежды свои, другие – куколи, и видны были из очей их потоки слёз. Пришёл авва Аполлос и поклонился старцу семь раз прежде нежели старец приблизился к нему. Они приветствовали друг друга с любовью. Братья просили старца сказать им слово спасения. Но старец не скоро начинал говорить с кем-либо. Церковь не вмещала всех, и они сели вне монастыря на песке. Отец Даниил повелел ученику своему написать:

«Если хотите спастись – соблюдайте нестяжание и молчание: на этих двух деланиях основывается всё монашеское жительство». Ученик написал, братья прочитали, пришли в умиление и заплакали.

Выйдя оттуда, авва Даниил направился в Иеромополь и там сказал ученику своему: «Иди в монастырь женский и постучавшись во врата, скажи игуменье, что пришёл я». Это был монастырь аввы Иеремии, в нём жило триста постниц. Ученик постучался, привратница тихим голосом спросила изнутри:

– Спасайся! Благословен приход твой, чего ты желаешь?

Он ответил:

– Имею нечто сказать игуменье.

Привратница сказала:

– Великая не беседует ни с кем, но скажи, чего желаешь, и я передам ей.

– Передай ей, что некий монах имеет нужду переговорить с нею.

Она передала, пришла игуменья и сказала тихим голосом:

– Спасайся брат, чего ты желаешь?

– Окажи любовь, дозвожь мне эту ночь провести здесь с другим братом, чтобы нас не съели звери.

Игуменья отвечала:

– Брат! Никогда мужчина не входил сюда. Легче будет для вас, если съедят вас звери внешние, нежели внутренние.

Брат отвечал:

– Здесь авва скитский Даниил.

Услышав это, она отворила обе половины ворот и вышла навстречу старцу со всеми постницами. Одеждами своими устлали они весь путь от ворот до места, где был старец, кланялись перед ним, целовали ноги его. С великой радостью и веселием ввели его в монастырь. Игуменья велела принести лохань, влила в неё воду, согретую с благовонными травами и, поставив постниц с двух сторон, сама своими руками умыла ноги старцу и ученику его. Потом она подводила сестёр по одной к умывальнице и окропляла их этим святым омовением. Оставшееся после всех возлила на главу свою и часть выпила. Монахини же представляли собою чудное зрелище: они были безгласны как камни и беседовали одна с другою

знаками, походка и вид их были ангельскими.

Старец спросил игуменью:

– Нас ли стыдятся сёстры или они всегда таковы?

Игуменья ответила:

– Рабыни твои, владыка, всегда таковы; но молись о них.

– Скажи ученику моему, чтоб он научился у них молчанию, потому что он, живя со мною, ведёт себя крикливо.

Одна из сестёр, одетая в рубище, лежала посреди монастыря и спала.

Старец спросил:

– Кто это лежит?

– Одна из сестёр, предавшаяся страсти пьянства. Что делать с нею, не знаю: выгнать её из монастыря – боюсь греха; оставить так – она смущает сестёр.

Авва Даниил повелел ученику своему:

– Возьми умывальницу и возлей на неё воды.

Когда ученик сделал так, она встала, как встают упившиеся вином.

– Владыка! Такова она всегда, какую ты видишь её теперь, – сказала игуменья и ввела авву Даниила в трапезную.

– Владыка, благослови рабынь твоих вкусить вместе с тобою.

Он благословил. Игуменья и вторая по ней сели вместе с ним. Старцу предложили мочёное сочиво, неварёную зелень, финики и воду. Пред учеником его поставили немного хлеба, варёной зелени и вина, растворённого водою. Иноки-

ням же предложили различную варёную пищу и рыбу, и вина в достаточном количестве. При этом никто не произнёс ни одного слова.

Когда встали из-за трапезы, старец спросил игуменью:

– Что вы сделали? Лучшую пищу следовало дать нам, а вы съели её сами!

Игуменья отвечала старцу:

– Владыка! Ты монах, поэтому я и предложила тебе пищу монашескую, и ученику твоему – монашескую. Мы же – новоначальные, и потому употребили пищу новоначальных.

Старец сказал на это:

– Бог да исполнит любовь вашу: мы извлекли большую пользу из ваших действий.

Когда все разошлись спать, старец сказал ученику своему: «Поди посмотри, где будет спать пьяная, что лежала посреди монастыря».

Ученик проследил и поведал старцу:

– Легла там, где сёстры справляют телесную нужду, то есть возле отхожего места.

– Побдим эту ночь, – сказал старец.

Когда все уснули, старец и ученик скрытно затихли недалеко от пьяной. Среди ночи она встала и воздела руки к небу, она творила бесчисленное количество коленопреклонений, слезы её текли потоками. Когда же слышала, что кто-то из сестёр шёл в отхожее место, повергалась ниц и храпела, приотворяясь спящею. Так проводила она начало каждой ночи.

Старец сказал ученику: «Призови игуменью и вторую по ней, призови тайно».

Они пришли и всю ночь смотрели на подвиг мнимо пьяной.

Тогда игуменья начала говорить с плачем:

– О, сколько зла сделала я ей.

Когда ударили в церковное било, игуменья поведала всем инокиням виденное, и все предались великому плачу.

Блаженная же, уразумев, что тайна её открыта, неприметно пришла в отведённую для старца келью, похитила жезл его и милоть и, отворив ворота монастыря, ушла. А на воротах оставила надпись: «Матери и сёстры! Простите меня, согрешившую перед вами, и молитесь обо мне».

При наступлении дня начали искать её и не нашли, а увидели только надпись на воротах. Много плакали о ней, а старец сказал игуменье: «Я ради неё пришёл сюда: Бог любит таких «пьяниц».

Когда все сёстры исповедовались перед аввой, кто какое оскорбление нанёс «пьяной», старец, сотворив молитвы о сёстрах, немедленно вышел из монастыря, и направился в свою келью, благодаря и славословя Бога.

В другой раз авва Даниил пошёл в Фиваиду так же в сопровождении одного из своих учеников. Они плыли вверх по реке Нилу, и когда достигли одного селения, старец велел пристать, сказав:

– Нам должно остановиться здесь.

Ученик начал роптать:

– Доколе нам скитаться! Пойдём в Скит.

– Нет! Останемся здесь.

Они сели посреди села как странники. Ученик продолжал роптать:

– Угодно ли такое поведение Богу: мы сидим здесь как миряне? Пойдём, по крайней мере, в церковь.

– Нет! Останемся здесь.

Они пробыли тут до глубокого вечера. Брат совсем вышел из терпения, начал оскорблять старца:

– Беда мне с тобой, старик! Из-за тебя приходится и мне умирать.

В это время подошёл к ним престарелый мирянин, весь седой, сгорбленный. Он пал к ногам Даниила и начал их целовать и обливать слезами. Потом поприветствовал ученика и сказал им:

– Если вам угодно, пойдёмте ко мне в дом.

В руке у него был фонарь. С ним он ходил по улицам, искал странников, убогих, больных и вводил в свой дом. Когда пришли, он налил воды в умывальницу, умыл ноги старцу, а потом и другим братьям. В доме не было никакого богатства. Он предложил всем трапезу, а когда отужинали, собрал все крошки, остатки еды и отнёс собакам. Таков был его обычай: он ничего не оставлял на завтрашний день от ужина.

Старец отвёл хозяина в отдельное место, и там они побеседовали до утра. А утром все распрощались и разошлись.

Дорогою ученик поклонился старцу:

– Окажи любовь, авва, кто этот человек, и как ты знаешь его?

Но старец не хотел сказывать. И тогда ученик опять поклонился ему:

– Авва, о многом другом ты поведал мне, а об этом человеке молчишь.

Так и было: старец рассказывал ему о добродетельной жизни многих святых, а об этом престарелом мирянине не хотел говорить. Ученик очень оскорбился этим и уже всю дорогу молчал. Когда они пришли в келью, ученик не захотел принести в обычное время хлеб старцу – в четвёртом часу по полудни.

Наступил вечер. Старец пришёл в келью брата и сказал:

– Чадо! Что значит это? Ты оставил меня, отца твоего, без пищи.

Ученик ответил:

– Если б я имел отца, то он любил бы меня как сына.

Старец поворотился и пошёл из кельи вон, но брат догнал его, остановил, начал целовать ноги:

– Жив, Господь! Не оставлю тебя, пока не поведаешь мне, кто этот человек.

Он не хотел оставить отца в скорби, потому что очень любил его. Тогда старец сказал:

– Дай мне немного поесть, и я скажу тебе.

После вкушения пищи старец сказал ученику: «Не будь

непокорен. Не хотел я сказывать тебе за прекословие, которое ты допустил себе в селении. Смотри, не сказывай никому о том, что расскажу тебе. Человека этого зовут Евлогий. По ремеслу своему он каменотёс, весь день проводит в работе и ничего не ест до вечера. А вечером, собрав в селении всех убогих, мирских и монахов приводит в дом, всех кормит, как ты видел, а все остатки относит собакам, ремеслом своим он занимается с юности, а теперь ему более ста лет. Но и поныне Бог даёт ему такую же крепость в работе как в молодости. Ежедневно он вырабатывает по золотой монете.

Сорок лет назад я пришёл в это селение для продажи рукоделия. Тогда я был ещё не стар. При наступлении вечера пришёл Евлогий, забрал меня вместе с другими странниками, привёл в дом, угостил, предоставил ночлег. Я удивился его добродетельной жизни и начал поститься по неделе и молить Бога о нём, чтобы подал ему значительное имущество на дело странноприимства. В строгом посте я провёл более трёх недель и столь изнемог, что едва был жив. И вот вижу некоего священнолепного мужа, который, подойдя ко мне, спросил:

– Что с тобою, авва Даниил?

Я отвечал ему:

– Дано мною слово перед Богом не вкушать хлеба, пока не услышит Бог молитвы моей о каменотёсе Евлогии и не пошлёт ему благословения, чтобы он мог преизобиловать в деле странноприимства.

– Напрасно! Ему лучше оставаться в том положении, как сейчас.

Я возразил ему:

– Нет, Господи, подай ему, чтобы все прославили имя Твоё Святое.

Он отвечал:

– Говорю тебе, что его настоящее положение хорошо для него. Но если ты непременно хочешь, чтобы Я подал ему изобилие, то согласишься ли взять на себя ручательство о душе его? Спасёт ли он её при умножении имени своего? Только при твоём ручательстве Я подам ему.

– Владыко! От руки моей взыщи душу его.

В то время, как я говорил это, увидел себя стоящим в храме Святого Воскресения в Иерусалиме. Там увидел я сидящего на камне священнолепного отрока, с правой стороны которого стоял Евлогий. Отрок повелел одному из предстоящих Ему позвать меня к Себе. Когда я приблизился, Он спросил:

– Ты ли поручившийся за Евлогия?

Предстоящие сказали за меня:

– Точно так, Владыка, – он.

Я взыщу с тебя поручительство твоё.

– Взыщи, Владыка, только умножь имение его.

После этого я увидел, что некие двое начали влагать в недра Евлогию великое множество золота. И чем более они влагали, тем более вмещало недра.

Проснувшись, я понял, что услышан, и прославил Бога.

Вскоре Евлогий, выйдя на свою работу, ударил в камень и услышал, что в камне пустота. От второго удара образовалось небольшое отверстие, а с третьего удара открылась значительная пустота, наполненная золотом. Объятый ужасом, Евлогий сказал сам себе: «Что мне делать, не знаю? Если возьму золото домой, услышит правитель, придёт и заберёт его себе, а меня подвергнет напасти. Лучше сложу золото в таком месте, где никто не узнает о нём». Он купил волов, будто бы для перевозки камней, и ночью, с великой осторожностью, перевёз золото к себе домой.

Доброе дело странноприимства, которое он доселе исполнял ежедневно, было оставлено им. Он нанял судно и прибыл в Константинополь.

Там царствовал тогда Иустин, дядя Иустинианов. Евлогий дал много золота царю и вельможам его, получил сан епарха и купил себе великолепные палаты».

«По прошествии двух лет, – продолжал рассказывать авва Даниил своему ученику, – опять вижу во сне священнолепного Отрока, что и прежде, опять во Святом храме Воскресения и спрашиваю сам себя: «Где Евлогий?». И вижу, что Евлогия изгоняют от лица Отрока и один эфиоп увлекает его. Проснувшись, я сказал сам себе: «Увы мне грешному! Что сделал я – погубил душу мою!».

«И вот пошёл я в то селение, – продолжал авва, – где прежде жил Евлогий, будто бы для продажи своего рукоде-

лия. Я ожидал, что как и прежде придёт Евлогий и введёт меня в свой дом... Но никто не пришёл и не пригласил меня. Я встал и хотел идти, но тут увидел одну старицу и попросил её принести мне немного хлеба, потому что ещё не ел в тот день. Она принесла мне хлеба, варёной пищи и, севши возле меня, начала выговаривать: «Не полезно тебе входить в мирские селения. Разве ты не знаешь, что монашеская жизнь нуждается в удалении от молвы?»

Я возразил ей:

– Ведь я пришёл продать рукоделие моё.

Она сказала на это:

– Хотя ты и пришёл для продажи рукоделия, но не должен был оставаться в селении до глубокой ночи.

– Да, да!.. Но скажи мне, мать, нет ли в этом селении кого-либо, боящегося Бога и принимающего странников?

– О, владыка! Имели мы здесь каменотёса, очень милостивого к странникам. Но Бог, видя его добродетель, наградил его: теперь он в Константинополе, и стал знатным человеком.

Услышав это, я сказал себе: «Я сделал это убийство». Пошёл в Александрию, сел на корабль и прибыл в Константинополь. Разыскав египетские палаты, я сел у ворот дома Евлогия, ожидая его выхода. Вышел он с великою гордостью, и я воззвал к нему: «Помилуй меня, имею нечто сказать тебе!»

Он не только не захотел взглянуть на меня, но приказал рабам своим бить меня. Я поспешно перешёл на другое место, мимо которого должно было идти ему, и опять воззвал к

нему. И опять он приказал бить меня больше прежнего. Таким образом, под дождём и снегом я провёл четыре недели у ворот дома его и не мог побеседовать с ним.

Изнемогши, я ушёл оттуда, повергся перед образом Господа нашего Иисуса Христа и молился со слезами: «Господи, разреши меня от поруки за этого человека! Иначе я оставлю монашество и пойду в мир». Когда я говорил это мысленно, вздремнулось мне, и вот слышу необыкновенное смятение и голос: «Идёт Царица!» Пред Нею шли полки – тысячи тысяч и тьмы тем народа. Я воззвал к ней:

– Помилуй меня, Владычица!

Она остановилась и спросила:

– Чего ты хочешь?

– Я поручился за епарха Евлогия. Повели, чтобы я был уволен от этой поруки.

– Я не вхожу в это дело; удовлетвори, как хочешь, своему поручительству.

Проснувшись, я сказал себе: «Если мне и умереть придётся, не отступлю от врат Евлогия, пока не улучу возможности побеседовать с ним».

И опять пошёл я ко вратам его и, дождавшись, воззвал к нему, но подбежал раб его и нанёс мне столько ударов, что сокрушил всё тело моё.

Придя в совершенное уныние, я сказал себе: «Возвращусь в Скит, и если угодно Богу, он Своим способом спасёт Евлогия. Я пошёл искать корабль, которому надлежало плыть

в Александрию. Войдя на этот корабль, я упал от скорби как мёртвый. В этом положении я задремал и в полусне опять увидел себя в храме Святого Воскресения, увидел и священнолепного Отрока, который сидел на камне честного гроба. Отрок воззрел на меня гневно, и от этого окаменело сердце моё, и не в силах я был сказать хотя бы одно слово. «Что ж ты не действуешь по поручительству твоему?» – спросил Отрок и велел повесить меня и бить двум предстоящим Ему. И били они меня довольно долго, приговаривая: «Не начинай дела, превышающего твои меры, не препирайся с Богом, не стужай Божеству».

От страха я не мог отворить уст моих, и, будучи ещё подвешенным, услышал голос: «Царица идёт!» Увидев её, я несколько ободрился и сказал тихим голосом:

– Владычица мира, помилуй меня.

– Чего ты хочешь? – спросила она, как и в первый раз.

– Я повешен здесь за поручительство моё за Евлогия.

– Я умолю за тебя, – сказала она мне.

И я увидел, как она подошла к Отроку и начала целовать ноги Его. Отрок сказал мне:

– Впредь не будешь делать этого?

– Не буду, Владыка! – отвечал я. – Молился я о Евлогии, желая лучшего. Согрешил я, Владыка, прости меня и повели разрешить.

– Иди в келью твою и больше не заботься о Евлогии. Я возвращу его к прежнему добродетельному жительству из-

вестным Мне способом.

Я проснулся неизреченно радостным, благодарил Бога и Пресвятую Владычицу.

По прошествии трёх месяцев дошёл до меня слух, что царь Иустин умер, вместо него стал новый царь, который поднял гонение на вельмож умершего царя, в том числе и на епарха Евлогия. Двое вельмож были убиты, имение их разграблено. Было разграблено и богатство Евлогия, а самого его царь повелел найти и убить на месте, Евлогий облёкся в прежнюю одежду, какую носил в дни убожества своего, и ночью бежал из Константинополя. Он возвратился на прежнее место жительства. Собрались к нему поселяне и говорили ему:

– Мы слышали, что ты сделался вельможею.

Он отвечал им:

– Если бы я был вельможей, вы не увидели бы меня здесь, о ком-то о другом вы слышали, я же ходил на поклонение святым местам.

Опомнившись от упоения суетою мира, Евлогий сказал сам себе: «Смирись, Евлогий! Встань, возьми свои орудия и иди на прежнюю работу. Здесь не Константинополь! Иначе, пожалуй, снимут с тебя голову». Он взял орудия ремесла своего и пришёл к камню, в котором однажды нашёл золото. Он надеялся найти его и сейчас. До полудня ударял он в камень и не нашёл ничего. И вспомнились ему обилие яств и наслаждений, которые были прежде, роскошные палаты,

обольщения и гордость мира сего... Но он настойчиво говорил себе: «Встань и иди работай: здесь – Египет».

Мало-помалу святой Отрок и святая Владычица привели его в прежнее благочестивое состояние. Бог не забыл прежнего добродетельного жительствовавшего его.

«По прошествии нескольких лет, – продолжал рассказывать авва Даниил ученику своему, – оба мы и пришли в это селение. И ты помнишь, как он нас встретил вместе с другими бездомными. А я, как увидел его, вздохнул из глубины сердца и прослезился: «Как велики дела твои, Господи, всё премудро сотворил Ты! Кто чудеса Твои и судьбы, Владыка, может исповедать? Я, грешник, начал уже погибать: едва не вселилась в ад душа моя!...»

Когда Евлогий умыл мои ноги, мы сели за трапезу, а потом я спросил его:

– Как поживаешь, брат?

Он отвечал:

– Молись за меня, отец, потому что я человек грешный, и у меня нет никакого имущества.

– О, если бы ты не имел и того, которое имел!

Евлогий насторожился:

– Почему так, владыка? Разве я чем-нибудь соблазнил тебя? Тогда я поведал ему всё случившееся, и мы плакали вместе. Потом он сказал:

– Молись о мне, чтоб я исправился хотя бы отныне.

И сказал я ему:

– Истинно говорю тебе, брат, не ожидай получить имение, большее того, которое имеешь: будешь получать по одной золотой монете в день. Это даровал тебе Бог на дневное содержание.

«Вот, чадо, – обратился авва Даниил к своему ученику, – я сказал тебе всё об этом человеке, а ты не пересказывай этого никому».

И ученик хранил этот рассказ в тайне до самой смерти святого старца Даниила.

АВВА АНТОНИЙ НОВЫЙ

Преподобный Антоний Новый, сын славных и богатых родителей, оставив богатство и славу и возлюбив иноческое житие, поселился в некоторой горе. Там провёл он много лет в безмолвии, удручая себя многими трудами и подвигами. После этого случилось ему однажды читать Лествицу Божественных добродетелей. В конце статьи о послушании он нашёл следующие слова: если жительствующий в безмолвии познает свою немощь и, оставив безмолвие, предаст себя в обучение послушанию, то он, будучи слеп, без труда прозрел о Христе. Обращая непрестанно в уме эти слова, Антоний говорил себе: «После стольких трудов и подвигов иноческих я ещё слеп? Хочу прозреть».

И, оставив пустынное житие, пришёл в общежительный монастырь в Вифинию, расположенный в горах, славивший-

ся жительством иноков.

Он остановился в гостинице у ворот монастыря под видом прохожего.

Несколько дней пробыл тут с прочими странниками. Не желая употреблять монастырскую пищу за просто так, Антоний ходил в ближнюю гору, собирал дрова, носил на плечах и складывал у монастырских ворот. Заведовавший гостиницею монах, увидев это, сказал ему:

– Что делаешь ты, авва? Монастырь не нуждается в твоей помощи. Приходящие к нам употребляют монастырскую пищу как милостыню.

Антоний ответил – Отец, и мне известен этот обычай, но, не желая оставаться праздным, я делаю это по своей доброй воле.

И продолжал жить и трудиться при монастыре, никому ничего не говоря о своём намерении.

Заведовавший странноприимством брат пошёл к игумену и сказал ему об Антонии. Игуменом был блаженный Игнатий, с Божией помощью построивший монастырь своими трудами. Он велел заведующему гостиницей спросить Антония, чего он хочет, так долго пребывая у ворот монастыря. Антоний ответил:

– Если будет на то воля Божия, ради душевной пользы хочу жить с вами.

Тогда игумен велел привести Антония. Он слышал о его высоком подвижничестве. И потому спросил, ради чего тот

пришёл к ним. Антоний ответил:

– Хочу стать вам подобным по добродетели.

Игумен возразил:

– Прожив столько лет самочинно, ты не сможешь жить в послушании. Многие, жившие самочинно и стяжавшие некоторые добродетели (воздержание, пост, нестяжание, телесное зло-страдание), подвергшись испытанию общежития, оказались недостаточными даже в тех добродетелях, которыми они прежде, по мнению их, обиловали.

Антоний ответил:

– Об этом и я узнал из учения боговдохновенных отцов и поэтому пришёл к вам, чтоб жить в послушании и получить от вас наставление добродетельного жития.

После этих слов игумен принял его и дал послушание при церкви, довольно тяжёлое и для многих невыносимое. Пробыв некоторое время в этом послушании, Антоний не удовлетворился им, а потому пришёл к игумену и сказал ему:

– Авва, я пришёл сюда для подвига, а данное мне послушание слишком легко.

Тогда игумен отдал его в помощники монаху, заведовавшему виноградником.

Будучи несведущим в возделывании виноградника Антоний постоянно обрезал себе пальцы, но терпеливо занимался возложенным послушанием.

Когда виноград начал созревать, ему было поручено его стеречь. Некоторые из братии, проводившие невниматель-

ную жизнь, просили у него винограда. Он отвечал:

– Мне не позволено делать этого. Виноградник перед вами. Если хотите, берите. Но если возьмёте, мне надо будет сказать об этом игумену, поскольку я ежедневно исповедую ему свои помышления.

Выслушав это, монахи уходили.

Когда собран был виноград, Антонию дали послушание в трапезной. Ежедневно до трёх часов ночи приходилось ему проводить в ней, поскольку на трапезу приходили в разное время да ещё выговаривали ему за плохо приготовленную пищу. За это время изнашивались его одежда и обувь. Антоний стал бедствовать от мороза. Игумен видел это, но одежды не давал, желая доставить духовную пользу. Особенно ноги Антония страдали от мороза. Видя его в такой нужде и в таком страдании, братья соболезновали ему: один подстилал овечью кожу под ноги; другой давал сандалии. Но страдалец ничего не принимал, говоря братии:

– Я точно знаю, что отец наш видит мою нужду, и на него возлагаю всё попечение: когда Бог велит ему, тогда он даст мне нужное за моё смирение.

Миновали зима, лето и осень – Антоний по-прежнему оставался полуобнажённым. Не выдержав, Антоний пришёл однажды к игумену и сказал:

– Владыка! Если монастырь не может снабдить меня необходимым, позволь мне попросить всё это у моих знакомых?

Игумен ответил:

– Мой монастырь питает всю братию и тебя ли одного не может пропитать и одеть? Сначала мы слышали о тебе, что ты подвижник и терпеливо переносишь телесные страдания; теперь же я не вижу в тебе ничего того, что слышал о тебе. Подвергшись ничтожным лишениям для своего же духовного образования, ты оказался малодушен и нетерпелив.

Антоний молчал. Осыпав его всевозможными укоризнами, игумен прогнал его.

Выйдя от игумена, Антоний, ежедневно проливая слёзы о своём окаянстве, стал удручать тело различными образами подвига – спал, сидя на стуле; прежде звона вставал к утрени и занимался псалмопением. Видя его способность ко всякой работе, братья, дав ему в руки лопату, заставляли копать землю. И он смиренно трудился до кровавого пота.

По прошествии длительного времени игумен призвал его к себе и сказал ему наедине:

– Отец! Бог да воздаст тебе мзду за душевную пользу, принесённую братству твоим пришествием к нам и жительством твоим по Боге. Братия мои никогда не получали такого назидания, какое получили твоим богоподражательным послушанием.

И, сказав это, выдал ему одежду, обувь и прочие потребности, наравне с прочею братиею. И с тех пор, когда замечал, что Антоний нуждается в чём-либо, сам тайно приносил нужное к нему в келью. Антоний, приходя к себе, неожиданно находил у себя вещь, в которой нуждался. Пожив бого-

угодно, он скончался о Господе и приял венец послушания (стр. 71–76).

АВВА ЕЛИСЕЙ

«В юности моей случилась мне болезнь, от которой я был при смерти, – рассказывал авва Елисей. – Отец мой, прилагая особое старание о моём излечении, ежедневно приглашал врачей. Но они ничего не смогли сделать и сказали отцу, что я через три дня умру. Услышав это, отец был поражён. Обливаясь слезами, он поспешил в церковь святого евангелиста Марка и нашёл там, как сказывал, престарелого монаха. Увидев отца печальным, монах спросил: «Что с тобою, Прокопий? О чём скорбишь?» Отец ответил: «Тот, кто открыл тебе моё имя, откроет и причину моей печали». Старец сказал: «Пошли в дом твой». Увидев меня, старец сказал отцу: «Позови супругу». Мать моя была христоролюбива и монахолюбива; отец же ненавидел монахов. И старец сказал ему: «Бог ищет от тебя исполнения трёх заповедей: если сохранишь – дарует жизнь сыну». «Свидетельствуюсь святым евангелистом Марком исполнить всё, что скажешь», – пообещал отец. Тогда старец сказал: «Вот уже пятнадцать лет, как ты прелюбодействуешь, скверня ложе жены твоей; за это Бог посёк преждевременной смертью пятерых детей твоих. Оставь это. Второе: юношу этого не сочетай браком, но предоставь возможность вступить в монашество. Третье:

прекрати общение с арианами и феодосианами». Отец сказал: «Сохраню слова твои во все дни жизни моей». Старец помолился, и я выздоровел на третий день. После этого я прожил в доме отца ещё три года. По истечении их отец обручил меня с племянницею жены игемона. Когда же приготавливал всё необходимое к браку, лютый бес привязался к обручённой отроковице и начал мучить её. И её, и мои родители в продолжение семнадцати месяцев водили несчастную по церквам, подавали милостыню, даже водили к волхвам и чародеям, но нисколько не успели – девица пришла ещё в худшее состояние. С общего согласия и совета привели её к отцу Макарию. Туда пришёл и я с нею, и отец мой. Старец, взяв елей и сотворив молитву над ним, повелел матери девицы омыть её и потом помазать елеем от главы до ног. Когда она была помазана, бес начал взывать: горе, горе! И, выйдя из неё, напал на меня и в семь крат сильнее стал мучить. И мучил тридцать дней, пока не пришёл тот старец, который прежде исцелил меня от болезни. Увидев его, отец скрылся. А старец, взяв меня, привёл в свою келью. Проведя ночь в молитве и земных поклонах, он отогнал от меня беса, затем постриг в монахи и вручил авве Исайи, имевшему ещё одного ученика по имени Пётр.

Прожил я у аввы Исайи девять месяцев. Услышав о случившемся со мною, отец послал ко мне четырёх слуг с семью верблюдами, навьюченными всякого рода съестными припасами и овощами, а также письмо. Прочтя письмо, я заплакал.

Отец Исайя, увидев в руках моих письмо, отнял его и изорвал. Когда же я вознегодовал за это, он стал меня укорять в присутствии слуг отца.

С этого часа объял меня бес ненависти. Я не мог видеть старца, слышать его голоса. Я смотрел на него, как на скормороха; слова его казались мне стрелами, мечом обоюдоострым. Стоя с ним на молитвах и бдениях, я проклинал его. От великой ненависти и омерзения, которые я испытывал к нему, несколько раз вставал ночью, чтоб убить его, но останавливался, опасаясь жившего с нами Петра. Старец не переставал наставлять меня, иногда увещевая, иногда угрожая. Когда я подходил к Чаше, старец отгонял меня с укоризнами; отлучал от трапезы, говоря: не дам тебе пищи, пока не скажешь: согрешил, прости. Но я делал всё напротив: крал и ел тайно. Когда старец стоял на молитве, я сидел; когда он упражнялся в бдениях, я спал, когда он плакал, я смеялся. Затем бес стал представлять неподобные мечтания о старце в сновидениях. И я, несчастный, верил этим снам. А потом и наяву стал часто видеть то, что прежде видел во сне. Таким образом, вкралась в меня доверенность к скверным и нечистым помыслам на старца. Сидя, говорил я себе в горести о старце: «Ну кто есть этот льстец и лицемер? Он же низкого происхождения! И я, будучи сыном благородных родителей, кипящих богатством, сделался учеником или, в сущности, рабом! Предстою ему как слуга: подаю воду на руки, przygotowляю трапезу, ношу воду, собираю дрова, работаю ему

как раб! Он бы должен мне работать и повиноваться, а не я ему! Сколько неприятностей, огорчений, скорби и печали, укоризн и бед я потерпел от него! Сколько он принуждал меня алкать, жаждать, бдеть и лежать на голой земле! Сколько он меня унижал! Сколько причинил зла!» Когда бес внушал это, я предавался гневу, почитая себя обиженным, пострадавшим. Помысл внушал: уйди от проклятого и пребывай наедине в келье, подобно всем отцам: он не монах и не христианин. От таких помыслов я начал снова видеть сны о старце, будто он играет с женщиной и скачет пред кумирами; вверившись снам, я утвердился в мысли, что старец – враг Божий и друг бесам.

Вдали от Скита было эллинское капище, среди которого стоял мраморный кумир. Старец имел обычаи каждую субботу выходить из Скита и, сидя в капище, предаваться плачу; были там и гробы язычников. И несколько раз видел я во сне, что старец приносит жертвы и поклоняется идолам, а я считал сны эти истинными. Однажды в час, в который старец обыкновенно уходил в капище, опередив его, я вышел из кельи и спрятался внутри капища в кустарнике. Гляжу, идёт старец, а впереди него – женщина. Оба по очереди вошли в капище, помолились и поклонились идолу и впали в блуд. Затем старец возвратился в Скит, а жена скрылась в кустах. Это я видел семь раз ясно и, твёрдо уверившись в этом, стал садиться у входа в келью и говорить братьям, приходившим к старцу для совета, что авва – блудник и идолослужитель.

И говорил это в течение четырёх месяцев. Но сколько бы ни старался, братья, руководимые благодатью, продолжали ходить. Видя это, я сокрушался и, воздевая руки к небу, восклицал: «Господи! Даруй мне терпение!» Я, несчастный, думал, что терплю за правду, и, как творящий добродетель, говорил, вздыхая: «Слава Тебе, Боже!»

Старец, видя меня в таком положении, говорил:

– Чадо доброе! Очисти сердце, смири помыслы, возлюби смирение.

Но я гневался на его слова. Когда сидел с ним за трапезою, пища казалась мне смрадом. И я несколько раз даже не хотел вкушать её. Помыслы внушали: рядом с этим старцем ты не спасёшься. И тогда я сказал себе: «За что терплю такие страдания? В мире я не впал ни в блуд, ни в прелюбодеяние, ни в воровство, ни в убийство». Когда я находился в такой буре от помыслов, отец мой известил меня письмом, что мать умирает; приди, писал, перед смертью повидаться с нею.

По прочтении письма, я сказал отцу Петру, что мне необходимо уйти, чтобы повидаться с умирающей матерью. Брат сказал об этом старцу. Старец стал отговаривать меня, говорить, что, если не послушаюсь, впоследствии буду очень раскаиваться в этом, но будет поздно. Я сказал в ответ:

– Не хочешь ли ты и меня сделать подобным себе идолослужителем и блудником?

Старец ответил:

– Благодать Божия в устах твоих, чадо!

Я же продолжал кричать:

– Обманщик! Идолослужитель!

И многие из отцов стеклись на мой крик, и стали укорять меня и даже проклинать. Я же, водимый бесом, разодрал одежду свою в гневe сверху донизу и, бросив в лицо старцу, вышел из кельи.

Войдя в келью одного из старцев, я украл у него праздничную одежду и отправился в Александрию. Однако нашёл мать умершею, а через три дня скончался и отец. В заботах о богатом наследстве, я раскаивался в том, что принял монашество. Однажды вечером, когда я сказал: «Слава Тебе, Христе Боже мой! Ты избавил меня от обманщика, лживого старца», – я услышал голос, подобный грому: «Пагуба дому Прокопиеву!» Поднялся ветер, дом загорелся с четырёх углов. Мы едва успели выбежать из него. Сбежались жители Александрии, но не смогли помочь. Пламя пожирало даже камни. Я стоял посрамлённый. От великой печали и уныния пошёл я в церковь святого Мины и повергся на помост церковный. Бес, приняв подобие мученика, сказал мне: «Виной всего случившегося с тобой – отец Исаяя». И я сказал: «Точно! Этот обманщик – чародей и послал бесов спалить дом мой».

Наутро я пошёл к патриарху и сказал ему:

– Владыко! Отмсти за меня идолослужителю, отцу Исаяи: он своим волхвованием сжёг мой дом.

Патриарх сказал на это:

– Немы да будут уста льстивые, глаголющие на праведного беззаконие (Пс. 30, 19).

И только произнёс это, как я увидел мурина, который стал бить меня огненным жезлом и облёк в броню железную. Я упал к ногам патриарха и стал биться. Тогда патриарх простёр ко мне руку, и узы языка моего разрешились. Семь месяцев провёл я, мучимый лютым бесом, представляя собой для всех зрелище, достойное сожаления. Нужно было связывать меня железными цепями. Я бил себя и всех меня окружавших, ел извержения человеческие. Христолюбивые люди одевали меня, потому что я скитался нагой, терзал плоть мою и одежду, муча себя и толкая встречающихся. От недостатка в пище, от грязи и нечистоты, в которых я лежал и валялся, тело моё покрылось струпями, подобно чешуе. Христолюбцы города Александрии, увидев некоторых отцов Скитских, привели их ко мне, но отцы, увидев меня, не узнавали. Тогда христолюбцы сказали:

– Это сын Прокопиев, принявший монашество у аввы Ис-айи.

Отцы сказали:

– Окажите любовь, доставьте его в Скит.

Христолюбцы приискали проводника с верблюдом, дали ему золотую монету и, связав мне руки и ноги, отправили в Скит. Скитские отцы собрались в церковь, совершили все-нощное бдение, помолились обо мне и, помазав всё тело моё елеем, отогнали беса. Однако раны и струпы продолжали му-

читать меня. Тогда я, недостойный и грешный, рассказал им подробно о случившемся со мною и умолял, чтоб явили мне милость: умолили старца принять меня на покаяние и не допустить ко мне нового искушения от беса.

Старцы пошли и привели отца Петра. Увидев меня лежащего и тело моё, сгнившее от ран и струпьев (отцы, желая преклонить старца к милости и сожалению, сняли с меня одежду, в которой я был, и нагого положили на рогоже), он повергся на меня, и не было конца его слезам. Я лежал в трепете, не смея на него взглянуть. Затем отец Пётр встал, взял некоторых из отцов, пошёл за отцом Исайей.

Когда я увидел идущего ко мне старца, воззвал:

– Раб Божий, помилуй меня, прельщённого бесом! Не оставь меня губительному врагу! По справедливости я наказан!

Пролив слёзы, старец сказал:

– Чадо, понял ли, что падение бывает наказанием для гордых?

– Да, отче!

Тогда старец, перекрестив меня, сказал:

– Господь да простит мимошедшее и да исправит будущее.

Положили меня на носилки и отнесли в келью. Через несколько дней я исцелился благодатью Христовой и молитвами старца. После этого я уже пребывал с отцом моим Исайею, во всём ему повинуюсь (стр. 155–163).

ФИВАИДСКИЙ АВВА

Рассказывал о себе фиваидский авва, имя которого осталось неизвестным, что был он сыном идольского жреца. Будучи ребёнком, он часто бывал в храме и видел отца своего, приносящего жертвы идолам. Однажды, после того как отец вышел из храма, он проник туда тайно и увидел сатану.

Сатана сидел на троне; многочисленное воинство предстояло ему.

И вот пришёл один из князей его с поклоном. И спросил его Сатана: откуда ты? Отвечал князь: я был в такой-то стране, возбудил в ней войну и большое смятение, произвёл кровопролитие и пришёл возвестить тебе. «Только-то сделал ты в такое продолжительное время?» И велел бить его бичами.

И вот другой приходит поклониться ему. «А ты откуда?» «Был я на море, поднял бурю, утопил корабли вместе с народом». «И сколько времени понадобилось на это?» – «Двадцать дней». И этого повелел бить Сатана.

И третий пришёл поклониться ему. И этого спросил он: откуда ты? «Был, – отвечает, – я в таком-то городе; там праздновалась свадьба: я возбудил ссоры и произвёл большое кровопролитие; сверх того убил жениха и пришёл сказать об этом». «И сколько дней тебе потребовалось на это?» – «Десять». И его приказано было бить.

И ещё один демон пришёл поклониться ему. И когда был

спрошен, откуда, ответил: «Из пустыни. Вот уже исполнилось сорок лет, как борюсь я с одним из монахов и едва-едва одержал над ним победу: вверг-таки его этою ночью в блудодеяние.

Услышав это, сатана встал с трона, поцеловал демона, снял с себя царский венец, возложил тому на голову, посадил подле себя на престоле и сказал: «Ты совершил великое и славное дело».

Увидев и услышав это, сын жреца сказал себе: чин монашеский, должно быть, имеет великое значение. И, приняв христианство, вступил в монастырь (стр. 490–491).

Подобные этим и другие писания святых отцов и послужили для молодого Брянчанинова поводом по выздоровлении тотчас же поступить в Александро-Свирский монастырь под духовное руководство старца Леонида. Когда новоиспечённый послушник вошёл в просфирню и бывший крепостной его отца небрежно бросил ему пыльный мешок из-под муки, он, как признался позже, «впервые вкусил блаженную сладость послушания».

Однако год спустя вместе с другими учениками вынужден был отправиться следом за своим старцем в Площанскую пустынь. В то время там проживал будущий оптинский старец Макарий (Иванов).

Всё более и более углубляясь в чтение творений святых отцов, Брянчанинов, наконец, пришёл к решению отделиться от учеников старца Леонида, поскольку видел, что его друг Чихачёв, от природы склонный к рассеянности, очень увлекается беседами, которые обычно возникали в приёмной кельи, где послушники ждали очереди к старцу на исповедь. Намерение Брянчанинова вызвало неудовольствие старца – тот посчитал его преждевременным и опасным. Тогда, видя, что его не понимают, Брянчанинов с Чихачёвым самовольно отделились от старца и, поселившись в отдельной келье, стали руководствоваться в духовной жизни писа-

ниями святых отцов.

Тут необходимо сделать остановку. Не только в приведённых выше историях из «Отечника», но, практически, во всей житийной литературе послушание духовнику возводится в прерогативу, и даже простым мирянам вменяется послушание старцу чуть ли не под угрозой различных бед. И даже во многих современных житиях рассыпаны случаи и оговорки, что с тем-то и тем-то за ослушание старца то-то и то-то ужасное произошло. Иное наблюдаем тут. Юноше всего 20 лет, он ещё и году не провёл под руководством «вырвавшего у него сердце» старца, он ещё даже и не монах – и вдруг такие заявочки...

Гораздо позже, опять же в одном из частных писем, святитель Игнатий на этот свой поступок даст такой ответ:

«Письмо № 49

Относительно монастырей, я полагаю, что время их кончено, что они истлели нравственно и уже уничтожились сами в себе. Вам известен отеческий путь, состоящий в духовном подвиге, основанном на телесном подвиге в разуме. Опять Вам известно монашество русское: укажите на людей, проходящих этот подвиг правильно. Их нет. Существует по некоторым монастырям телесный подвиг, и то более на показ людям. Отец Макарий Оптинский решительно отвергал умное делание, называя его причиною прелести, и преподавал одно телесное исполнение заповедей. Святой Исаак Сирский

говорит, что телесное делание без душевного – сосцы сухие и ложесна бесплодны; это видно на воспитанниках Оптиной пустыни. Но отец Макарий в наше время был лучшим наставником монашества, действовал по своим понятиям, с целью угождения Богу и пользы ближним, при значительном самоотвержении. Если бы, как Вы говорите, и решились восстановить монашество, то нет орудий для восстановления, нет монахов, а актёр ничего не сделает. Дух времени таков, что скорее должно ожидать окончательных ударов, а не восстановления. «Спасаящийся, да спасает свою душу», – сказали святые отцы» (стр. 69).

И ещё:

«Письмо № 50

О монашестве я писал Вам, что оно доживает в России, да и повсюду, данный ему срок. Отживает оно век свой вместе с христианством. Восстановления не ожидаю. Восстановить некому. Для этого нужны мужи духоносные, а ныне даже водящихся отчасти писаниями отцов, при объяснении их душевным разумом, каков был отец Макарий Оптинский, нет. Правда, и ныне некоторые разгорячённые верхогляды, даже из светских, берутся за поддержание монашества, не понимая, что оно – великая Божия тайна. Попытки таких людей лишь смешны и жалки: они обличают их глубокое неведение и судеб Божиих и дела Божия. Такие умницы и ревнители что ни сделают, всё ко вреду. Заметно, что древ-

ний змий употребляет их в орудия умножения в монастырях житейской многопопечительности и подъяческого характера, чем решительно уничтожается дух монашества, исполненный святой простоты. Надо покоряться самым попущениям Божиим, как это прекрасно изложено в молитве святых трёх отроков, ввергнутых в пещь Вавилонскую. В современном монашеском обществе потеряно правильное понятие об умном делании. Даже наружное благочинное поведение, какое введено было в Оптиной пустыни отцами Леонидом и Макарием, почти всюду оставлено. Вы правду говорите, что я в юности моей не нашёл старца, который бы удовлетворил меня, но это можно ещё приписать и тому, что я не искал, как должно, не умел искать, не имел достаточных средств на то. **Удовлетворительнейшее лицо, с которым пришлось встретиться был монах Никандр, просфирник Бабаевского монастыря, муж благодатный. С ним беседовал я в 1847 году. Он достиг высшего преуспеяния в умной молитве, проходил этот подвиг очень просто, естественно, не был в славе у людей. Прежде умное делание было очень распространено и между народом, ещё не подвергшимся влиянию Запада. Теперь всё искоренилось; осталась личина благочестия; сила иссякла. Может быть, кроется где-либо, как величайшая редкость какой-либо остаток прежнего. Без истинного умного делания монашество есть тело без души. Наступила весна: не замедлят наступить лето и жатва. О монашестве отец Никандр пони-**

мал также, как понимаю и я. Называл он монастыри пристанями, по назначению данному им от Бога; говорил, что эти пристани обратились в пучины, в которых вредятся и гибнут душами многие такие люди, которые посреди мира проводили весьма хорошую жизнь. Некоторым, вопрошавшим его, советовал остеречься от вступления в монастырь. Надо знать существенно нынешнее положение монастырей, которые могут ещё показаться для верхоглядов местами спасения. По крайней мере, в избрании монастыря должно быть чрезвычайно осторожным и осмотрительным» (стр. 70–71).

«№ 158

Ныне – кто в рясе, тот – неоспоримо «духовный», кто ведёт себя воздержанно и благоговейно, тот «духовный» в высшей степени! Не так научает нас Священное Писание, не так научают нас святые отцы. Они говорят, что человек может быть в трёх состояниях: в естественном, нижеестественном и вышеестественном. Эти состояния иначе называются: душевное, плотское, духовное. Еще иначе: пристрастное, страстное, бесстрастное. Нижеестественный, плотский, страстный – есть служащий вполне временному миру, хотя бы он и не предавался грубым порокам. Естественный, душевный, пристрастный – есть живущий для вечности, упражняющийся в добродетелях, борющийся со страстями, но еще не получивший свободы, не видящий ясно ни себя, ни ближних, а только гадательствующий, как слепец, ощу-

пью. Вышестоящий, духовный, бесстрастный – есть тот, кого осенил Дух Святой, кто, будучи исполнен Им, действует, говорит под влиянием Его, возносится превыше страстей, превыше естества своего. Такие – точно свет миру и соль земли: видят себя, видят и ближних, а их увидеть может только подобный им духовный. «Духовный же востязует убо вся, а сам ни от единого востязуется» (1 Кор. 2, 15), говорит Писание. Такие встречаются ныне крайне редко. В жизни моей я имел счастье встретить одного, и донныне странствующего на земли, старца, лет около семидесяти, из крестьян, малограмотного: он жил во многих местах России, в Афонской горе, – говорил мне, что и он встретил только одного. Держись, как в этом случае, так и в других, терминологии святых отцов, которая будет соответствовать твоей жизни практической, которая часто не согласна с терминологией новейших теоретиков.

Прости, что назову теоретиков – мёртвыми! Пусть эти мёртвые возьмётся со своими мертвецами, то есть с теми, которые хотят слышать Слово Божие с целью насладиться красноречием, кровавыми порывами, игрою ума, но не с тем чтобы «творить слово»...

Только те книги в точном смысле могут быть названы «духовными», которые написаны под влиянием Святого Духа. Не увлекайся общим потоком, но следуй по узкой стезе вслед за святыми отцами» (стр. 222–224).

А вот по поводу старческого руководства:

Если руководитель начнёт искать послушание себе, а не Богу, недостойн он быть руководителем ближнего! Он не слуга Божий! Слуга дьявола, его орудие, сеть! Не будьте рабами человекам (1 Кор. 7, 23), – завещает апостол. Пребывание твоё с родителем твоим по плоти, служение ему, разумеется, должно остаться, как оно теперь есть. Заповедано инокам удаление от родителей, когда родители влекут в мир, отвлекают от Христа, но когда они содействуют нашим благим намерениям, когда они больны, беспомощны, – нуждаются в руке нашей, – тогда ли отнять эту руку? Тогда помощь и служение им причисляются к иноческим добродетелям, одобрены и похвалены святыми отцами (преподобный Кассиан Римлянин). Всё духовное преуспевание заключается в том, чтоб сердце, отрекшись переменчивых, бестолковых законов (беззакония своей воли), приняло законы Евангелия, всюду подчинялось им. Истинное послушание – в уме и сердце. Там и самоотвержение! Там и нож, о котором повелело Евангелие ученику своему: да продаст ризу свою и купит нож (Лк. 22, 36). Риза – нежность, удовлетворение приятных чувств сердечных по плоти и крови.

Такое понятие о послушании, самоотвержении, духовном преуспевании оставляет наружное поведение в полной свободе. Да благословит Бог пребывание твоё всюду, где бы ты ни был, когда сохранишь цель – богоугождение. Да благо-

словит Бог все входы твои и исходы, если входить и исходить будешь с этою целью! Никакое место в глазах моих не имеет особенной важности, а жизнь ради Бога на всяком месте бесценна. Начну же говорить недосказанное в прежних письмах... Приехав к вам в обитель, увидев тебя, я тотчас ощутил, что не тут твоё место: сердце моё было недовольно, что ты тут. Но сказать тебе это я был не вправе до сей минуты, когда ты дал мне право на откровенность, завоевав её своим самоотвержением (странник (гость) обязан приносить мир всюду, куда бы ни входил, и оставлять после себя мир). Нужно же тебе место и настоятель, которые бы доставили... свободу уму твоему идти по пути, который Бог благоволит указать. Бог да благословит твоё намерение и да дарует привести его в исполнение к душевной твоей пользе и к успокоению страждущего родителя твоего. Только поступи основательно, спокойно, неторопливо, часто моли Бога привести тебя туда, куда Ему угодно. Уже ты испытал, каково кинуться в воду, не измерив наперёд броду. И не позволяй себе при твоём изшествии никаких поступков и слов, которыми было бы оскорблено, нарушено святое смирение. Молчание лучше лучших слов. Выйди, как непотребный и грешный, от честных и святых. Тогда рука Божия будет с тобою, рука, которая ведёт и поддерживает смиренных – карает и сокрушает гордых. Желая, чтобы всюду поведением твоим благовествовалось Евангелие! Этого желаю непременно! Здесь являю власть ради Бога: окажи послушание ради Бога.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.